

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 15
(1920)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлено интервью Н. Волчковой с академиком РАН Б. Кашиным «Задание на Год», опубликованное в газете «Поиск», №1-2, 15 января 2021 г.

Вологда
январь 2021

Задание на Год

Что должна сделать власть для нормальной работы ученых

Вступил в свои права 2021 год, объявленный Годом науки и технологий. Означает ли это, что власть, наученная коронавирусным опытом, меняет свое отношение к научной сфере и тем, на ком она держится? Что думают об этом широком жесте российские исследователи, «Поиску» рассказал известный ученый и общественный деятель, заведующий отделом Математического института им. В.А. Стеклова РАН, заведующий кафедрой механико-математического факультета МГУ, член фракции КПРФ в Госдуме V и VI созывов академик Борис КАШИН.

– Борис Сергеевич, как вы относитесь к решению главы государства посвятить начавшийся год науке?

– По натуре я оптимист, но от этой инициативы никаких прорывов не жду. Конечно, широкое информирование общества о достижениях науки очень важно. Но за последние полтора десятка лет на высшем государственном уровне был принят целый ряд неверных стратегических решений, нанесших исследовательской сфере серьезный урон. Анализ ошибок и радикальная корректировка научной политики, а не проведение каких-то пафосных мероприятий должны стать главным содержанием Года науки и технологий.

Увы, такое развитие событий маловероятно. Начнем с того, что о почине было объявлено в уже привычном для нас стиле спецоперации: неожиданно, без консультаций с научным сообществом. Во главе оргкомитета, в который включены в основном чиновники, поставлен человек, несущий значительную долю ответственности за провальные результаты научно-технической политики. Второй сопредседатель до недавнего времени был далек от науки, занимался администрированием рекламы и спорта. Эти люди вряд ли будут погружаться в насущные проблемы российской науки. Скорее всего, их обсуждение придется вести на других площадках.

– Одной из них будет Российская академия наук? Насколько я помню, именно с вашей подачи было принято решение провести углубленный анализ состояния науки и на весенней сессии Общего собрания членов РАН обсудить его результаты.

– К этому призывал не только я, но и ряд моих коллег. Академик Роберт Нигматулин предложил создать специальную комиссию, которая подготовит рекомендации по повышению роли науки в развитии страны. Ученые понимают: положение в рос-

сийской науке критическое, научная среда постепенно деградирует.

Некоторые коллеги считают, что наша главная задача – донести свою позицию до власти. Однако это упрощенный взгляд. Приходится констатировать, что главные проблемы лежат в политической сфере, наука оказалась заложником сложившейся в стране полуфеодальной системы управления и безответственности высших должностных лиц. Поэтому, как верно заметил академик Александр Глико на недавней сессии Общего собрания, реальные изменения в науке могут произойти только при условии серьезных подвижек в общественном сознании.

– Как добиться этих подвижек? Вы имеете немалый депутатский опыт, два созыва работали в нижней палате парламента. Может ли законодательный орган содействовать улучшению ситуации в науке и стране?

– В нынешних условиях, при засилье партии власти, которая голосует по команде из Кремля, конечно, нет. Да и в мою бытность депутатом более ранних созывов оппозиции удавалось лишь смягчать какие-то особенно вредоносные законодательные инициативы, но не более того.

– А могут ли роль триггера сыграть общественные организации ученых? Кстати, почему вы не состоите в Клубе «1 июля» и не подписываете выпускаемые им обращения?

– К сожалению, общественные структуры очень слабы, и их влияние весьма ограничено. Вынужден признать это и в отношении основанного в 2001 году академиком Владимиром Страховым движения «За возрождение отечественной науки», в котором я до сих пор работаю и возглавляю Центральный совет. К сожалению, в общественной деятельности почти не участвует научная молодежь.

Что касается моего нежелания вступать в Клуб «1 июля», тут сказываются определенные различия с состоящими там коллегами в политических взглядах и подходах к развитию науки. При этом не могу не отметить, что клуб сыграл важную роль в борьбе против разгрома РАН, и тогда я с ним тесно сотрудничал. В дальнейшем члены клуба сосредоточились на второстепенных, с моей точки зрения, вопросах. Впрочем, последнее заявление, касающееся очередной авантюрной идеи президента Курчатовского института, я направил на интернет-сайт КПРФ, где оно получило значительную поддержку.

– **Поясните, в чем вы расходитесь с «первоиоульцами» во взглядах на развитие науки?**

– Я не вижу у моих либерально настроенных коллег понимания того, что ни российский олигархический капитализм, ни тем более западный капитализм не заинтересованы в процветании нашей науки. Вообще на Запад я бы не особенно рассчитывал, в том числе и на научную диаспору. Взаимодействовать с учеными из других стран необходимо, но нужно не забывать, что у них свои интересы, а у тех, кто работает в России, – свои. Десять лет назад с трибуны Думы я выступал категорически против законопроекта о создании центра «Сколково», который, видимо, из-за высокой его «эффективности» сейчас сливаются с другими «институтами развития». Либералы в свое время подыграли власти, позитивно оценив это начинание. В итоге потрачены огромные средства на оплату западных экспертов. А где результаты? Преуспеть удалось разве что в выкачивании средств из бюджета.

– **Как вы предлагаете решать накопившиеся в научной сфере проблемы?**

– Власть должна ставить перед наукой важные для страны задачи, как это было во времена реализации атомного и космического проектов. Поэтому **первое**, что надо сделать, – вернуть науку в сектор реальной экономики. Как известно, в ходе административной реформы 2004 года было ликвидировано Министерство промышленности, науки и технологий, а управление наукой передали в социальный блок. Если силами старого министерства связь между наукой и производством, пусть и не самым лучшим образом, но осуществлялась, то сегодня государственное управление наукой свелось к контролю достижения изобретенных чиновниками сомнительных показателей эффективности.

Наиболее известный из них – доля научных статей, опубликованных в журналах, которые включены в американскую базу данных Web of Science. Это решение нанесло ущерб науке, ударило по отечественной научной периодике, зато обогатило частную американскую компанию, владеющую упомянутой базой данных, а также ряд журналов, публикующих за плату любой наукообразный текст.

Второе. Необходимо восстановить особую организационно-правовую форму для институтов и университетов. В 2010 году их сделали бюджетными учреждениями, что привело к замене базового финансирования государственным заданием. Институты и так страдали от хронического недофинансирования, а теперь многие из них, особенно экспериментальные, потеряли возможность должным образом поддерживать и развивать свою сложную инфраструктуру.

Другие, еще более опасные следствия закона о бюджетных учреждениях – резкое усиление некомпетентного вмешательства чиновников в исследовательский процесс, тотальная бюрократизация, нарушение традиций академического самоуправления, принятых в научно-образовательных организациях всего мира. Внедрено единоначалие, руководитель принимает решения без учета мнения коллектива. Ученых и преподавателей переводят на краткосрочные контракты. Это ставит их в полную зависимость от администрации, мешает научной работе и противоречит общемировой практике.

Третье. Нужно восстановить и сделать привлекательной научную аспирантуру, разрушенную после принятия закона «Об образовании» в 2012 году. Аспирантуру превратили в образовательную услугу, которой пользуются желающие «зацепиться» в столичных городах или «откосить» от армии. С тех пор число аспирантов, защищающих в срок кандидатскую диссертацию, сократилось в пять раз! Недавно закон немного подправили, но это все равно лишь полумеры.

Четвертое. Пора вернуть РАН управление академическими институтами. По поводу печальных итогов реформы Академии наук 2013 года уже много сказано. Перечислю только основные последствия. Академическое руководство научными институтами заменено властью чиновников, не понимающих сути дела, но беспрекословно выполняющих указания начальства. Ослабли традиционные связи между научными коллективами. Резко выросла отчетность. Особенно пострадали региональные научные центры, где пришлось объединять в одно юридическое лицо всех: «от филологов до физиологов».

Пятое. Необходимо ограничить долю грантового финансирования в научном бюджете, чтобы ученые могли стабильно работать. Из-за перекоса в сторону конкурсного распределения средств после выхода в 2014 году поручения президента правительству о финансировании фундаментальных и поисковых работ преимущественно за счет грантов многие научные коллективы и отдельные ученые не могут планировать свою деятельность даже на среднесрочную перспективу.

Естественно, подобные условия работы не по душе исследователям, особенно молодым, и это одна из основных причин пресловутой утечки мозгов.

Наконец, **шестое.** Необходимо скорректировать положение прошлогоднего июльского указа президента о национальных целях развития России до 2030 года, где в качестве основной цели, которой теперь подчинены планы управляющих наукой чиновников, обозначено создание «возможностей для развития и самореализации талантов». Поставленные ранее, но не вы-

полненные задачи прорывного развития исследований и внедрения результатов в экономику заменены позитивной, но весьма расплывчатой идеей.

– **Вы верите, что все перечисленные ошибки можно исправить?**

– При наличии политической воли это сделать несложно. Всем очевидно, что неверные решения необходимо корректировать и что их авторы должны нести ответственность за провалы. Иначе это будет повторяться снова и снова.

– **Вам не кажется, что принимаемые в последнее время властью меры способствуют решению обозначенных вами проблем? Создаются научные центры мирового уровня (НЦМУ) для проведения исследований по приоритетным направлениям научно-технологического развития. Научно-образовательные центры (НОЦ) должны готовить высококвалифицированных специалистов для современных производств. В рамках комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла планируется внедрять научные результаты в практику.**

– На все эти нововведения выделяется лишь небольшой процент бюджетных средств, отпускаемых на науку, и изменить ситуацию коренным образом они явно не смогут. Про комплексные программы я мало что знаю, пока ни одна из них не заработала. НЦМУ – это, скорее, способ поддержки структур, которые иначе остановились бы в развитии и продолжали терять кадры. Хочу отметить, что ученые активно боролись за то, чтобы документы, касающиеся этих центров, приняли разумный вид. Чуть ли не основным показателем результативности чиновники хотели сделать количество работающих там зарубежных ученых.

Что касается НОЦ, итоги тоже подводить рано. Академические ученые, которые участвуют в таких проектах, жалуются на непреодолимые бюрократические барьеры. Динамичное взаимодействие научных, образовательных, производственных организаций в таких условиях выстроить нереально.

Так что все эти новые структуры кажутся мне какими-то вишенками на несуществующем торте.

– **А что вы думаете по поводу возможности Академии наук влиять на государственные решения в области научной политики?**

– Сегодня это влияние явно не соответствует имеющемуся в академии потенциалу. Понятно, что РАН не должна вступать в прямую конфронтацию с

властью, это контрпродуктивно. Но она призвана в рамках своей компетенции давать объективную оценку проводимой в стране политике.

Справедливости ради стоит сказать, что Академия наук организует экспертное обсуждение многих вопросов научно-технического развития страны, формирует компетентные, обстоятельные рекомендации. Но поскольку чиновники не прислушиваются к ученым, большая аналитическая работа академии в основном пропадает втуне.

– **А есть ли единство мнений по поводу состояния научной сферы и путей улучшения ситуации в академической среде?**

– В РАН есть единство по главному вопросу – о плачевных результатах проводимой в последние десятилетия научно-технической политики. Академия – одна из немногих структур, которые открыто об этом заявляют. Именно поэтому нападки на нее не прекращаются.

Я, кстати, не идеализирую РАН. Уверен, что нам надо намного активнее браться за решение собственных внутренних проблем и тоже вводить ответственность представителей руководства за последствия ошибочных действий.

Коснусь лишь одного вопроса. Сейчас академии грозит потеря ее переводных журналов. Их издатель американская компания Pleiades Publishing Limited (PPL) навязывает РАН и редколлегиям новые условия лицензионных договоров, которые свидетельствуют о намерении американцев захватить англоязычные версии сотни лучших российских журналов.

Несмотря на протесты редакторов, обращение нашего Отделения математических наук в Президиум РАН, мое письмо президенту академии и выступление на заседании президиума, адекватных мер не принимается. Ситуация остается критической.

Хочу также подчеркнуть, что организационно-правовая форма Федерального государственного бюджетного учреждения (ФГБУ) для РАН абсолютно не подходит. Повторюсь, в основу управления ФГБУ положено единоначалие. Организация работы академии должна строиться на совсем других принципах. Глава РАН Александр Сергеев это понимает, старается по максимуму применять демократические процедуры, вносит предложения об изменении правового положения академии. Но, увы, пока власть не идет навстречу РАН.

Надежда Волчкова